

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪДОЖОСТИ.

1881 года

№ 42

21-го октября.

Выходятъ еженедѣльно; цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкою; съ Воскреснымъ Читеніемъ (выходитъ еженедѣльно) 7 руб.

За напечатаніе объявленій взимается плата за строку или ея мѣсто за 1 разъ по 20 коп., за каждый слѣдующій разъ по 10 коп.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Изъ наблюденій сельскаго учителя надъ народною школою.

Среди общей погоня за интересами матеріальнаго и эгоистическаго свойства, у насъ рѣдко можно встрѣтить за какимъ-либо скромнымъ дѣломъ человѣка, стоящаго выше него, но преданнаго ему всецѣло, трудящагося съ самоотверженіемъ, въ всѣхъ личныхъ интересахъ, исключительно ради своего скромнаго дѣла. За то такіе рѣдкіе самоотверженные дѣятели являются самыми лучшими знатоками, самыми компетентными судьями въ своемъ дѣлѣ, неопцненными руководителями и двигателями этого дѣла. Говоримъ это по поводу слѣдующаго рѣдкаго случая. Профессоръ Московскаго университета, человѣкъ жившій въ сферѣ высшихъ научныхъ и общественныхъ интересовъ и окруженный соответственными условіями внѣшними, г. Рачинскій, наклонъ лѣтъ, съ этой высоты положенія низошелъ до простаго народа, удалился въ деревенскую глушь, открылъ школу и сталъ сельскимъ учителемъ; и вотъ въ теченіи уже нѣсколькихъ лѣтъ, онъ, большой и престарѣлый, въ теченіе полугода съ 8 час. утра до 8 час. вечера проводитъ время въ народной школѣ, окруженный семидесятью крестьянскими мальчиками. Подобно когда-то весьма извѣстному своему Ясно-Полянскою школою графу А. Н. Толстому, г. Рачинскій положилъ на дѣло школы народной всю свою душу; и

теперь, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ беззавѣтнаго служенія этому дѣлу, онъ знакомитъ русское общество съ результатами своихъ наблюденій, съ дѣйствительнымъ положеніемъ и запросами этой близкой духовенству народной школы *). Понятно, какой интересъ должны имѣть эти наблюденія. Ученый профессоръ является не теоретикомъ, взарающимъ на школу съ кафедръ или изъ отвлеченной дали кабинета, а самымъ серьезнымъ практикомъ, съ широкимъ, долготѣльнымъ опытомъ. Еще болѣе, имѣя первоначально, какъ мы слышали, совершенно иныя воззрѣнія, онъ подчинилъ ихъ живому вліянію народа, не переработывалъ школы по прежнимъ своимъ теоріямъ, а самъ переработался школою, такъ что является дѣйствительнымъ выразителемъ ея духа и потребностей.

Изъ „Замѣтокъ о сельскихъ школахъ“ г. Рачинскаго, для насъ преимущественно важны его воззрѣнія по предмету религіознаго характера народной школы и отношенія къ ней духовенства. Почтенный профессоръ—школьный учитель даетъ по этому вопросу много новыхъ, смѣлыхъ, оригинальныхъ и вмѣстѣ сочувственныхъ, возбуждательныхъ для духовенства идей. Наша народная школа, какъ отражающая въ себѣ особенности религіознаго и племеннаго характера русскаго народа и его особеннаго общественнаго склада, не похожа на школы западныя. Въ противоположность имъ, наша сель-

*) „Русь“ № 45—48 „Замѣтки о сельскихъ школахъ“.

ская школа возникает, говорит г. Рачинский, при весьма слабом участіи духовенства, при глубоко́м равнодушіи общественных классовъ и правительственныхъ органовъ,—изъ потребности *безграмотнаго* населенія дать своимъ дѣтямъ извѣстное образованіе. Отсюда преподаваніе въ сельскихъ школахъ не можетъ имѣть у насъ никакого направленія, кромѣ даннаго тѣми же безграмотными родителями. Надъ школами у насъ четверной контроль: дирекціи народныхъ училищъ, епархіальнаго начальства, училищныхъ совѣтовъ и полиціи. Но директоры и инспекторы народныхъ училищъ завалены многосложными бумажными отчетами и важнаго вліянія на школу не имѣютъ; участіе училищныхъ совѣтовъ ограничивается одною матеріальною стороною дѣла; благочинные и спеціальные надзиратели за преподаваніемъ Закона Божія посѣщаютъ школы нехотя и только для формы; полиція, къ счастью, въ дѣло школы свѣсѣмъ не вмѣшивается. И при всемъ томъ, число школъ растетъ и онѣ не только остаются нетронутыми пикистическою пропагандой, но пріобрѣтаютъ все болѣе религіозный церковный характеръ, и центральнымъ предметомъ преподаванія все болѣе становится Законъ Божій, отъ преподаванія котораго въ большинствѣ случаевъ упорно отказываются священники или который они предоставляютъ учителю. Результатъ этотъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что, при возникновеніи нашихъ школъ повидимому все склоняло ихъ въ направленіе противоположное; и равнодушіе къ нимъ духовенства и краткое увлеченіе, смѣнившееся охлажденіемъ, мѣстной интеллигенціи, и фальшивое отношеніе къ нимъ министерства и стремленіе противообщественныхъ антирелигіозныхъ элементовъ овладѣть этою возникающею школою. О равнодушіи духовенства къ школамъ, говорит г. Рачинскій, писано много, съ явнымъ впрочемъ злораднымъ преувеличеніемъ. Интеллигенція наша, какъ извѣстно, допускаетъ въ школахъ религіозный элементъ лишь ради соблюденія какихъ-то консервативныхъ приличій или какъ уступку невѣжественнымъ требованіямъ простонародья, и это лицемерное отношеніе къ нему вреднѣе прямого гоненія. Что касается министерства, то въ его постановленіяхъ, циркулярахъ, инструкціяхъ, преисполненныхъ выраженіями неуставной заботливости о процвѣтаніи религіознаго элемента, мало искренности. Стоитъ только припомнить то приниженное положеніе, которое отведено преподаванію Закона Божія въ среднихъ учебныхъ за-

веденіяхъ. Относительно сельскихъ школъ, стоитъ только заглянуть въ „Каталогъ книгъ для употребленія въ сельскихъ школахъ“, изданный въ 1875 г. Слѣдуетъ замѣтить, что всякая книга, не входящая въ этотъ каталогъ (распадающійся на списки книгъ рекомендованныхъ, одобренныхъ и допущенныхъ) безусловно запрещена. Повѣритъ ли мнѣ читатель (говоритъ г. Рачинскій), если я скажу ему, что въ этомъ каталогѣ не значится ни Часослова, ни Псалтири, ни Ветхаго Завѣта! *Новый Завѣтъ* „одобренъ“, но не „рекомендованъ“. Всякому, конечно, извѣстно, что безъ Часослова и Псалтири сельская школа у насъ немислима, что Ветхій Завѣтъ во всякой школѣ необходимъ. Тѣмъ не менѣе употребленіе этихъ книгъ въ школахъ оказывается „*безусловно запрещеннымъ*“ со стороны министерства! Не имѣя къ счастью ни малѣйшаго практическаго результата, это запрещеніе служитъ только показателемъ внимательности министерства въ духовно-правственныхъ нуждахъ народа.

И не смотря на всѣ эти неблагопріятныя для религіознаго элемента въ школахъ обстоятельства, этотъ элементъ въ ней болѣе и болѣе усиливается и всѣмъ памятно, что нигилистическій походъ *въ народъ*, въ программу коего, между прочимъ, входило и отращленіе сельской школы, окончился полнѣйшею неудачею. Сохраненіе и укрѣпленіе въ школахъ религіознаго элемента совершается воздѣйствіемъ и преобладаніемъ надъ указанными неблагопріятными условіями самого населенія, оффициально безправнаго, безграмотнаго и повидимому некомпетентнаго въ дѣлахъ,—производится медленнымъ, почти безсознательнымъ, но упорнымъ давленіемъ снизу,—пассивнымъ сопротивленіемъ всему неподходящему къ народному понятію о школахъ, выживаніемъ негодныхъ и поощреніемъ удельно-рительныхъ учителей, неотразимымъ вліяніемъ учащихся на учащихся. Этотъ религіозный церковный характеръ, налагаемый на нашу школу силою вещей, обусловливаетъ и ея программу. Въ программѣ этой между другими предметами г. Рачинскимъ съ особенною силою выставляется значеніе *церковно-славянскаго языка*, въ педагогическомъ и образовательномъ отношеніи. Въ знаніи церковно-славянскаго языка г. Рачинскій видитъ неопѣненное преимущество нашей школы предъ всеми другими. „Обязательное изученіе языка мертваго, обособленнаго отъ отечественнаго цѣлымъ рядомъ синтаксическихъ и этимологическихъ формъ, а между тѣмъ столь къ нему близкаго, что изученіе его вполнѣ

доступно на первых ступенях грамотности, это такой педагогический клад, которым не обладает ни одна сельская школа в мире. Это изучение, составляя само по себе превосходную умственную гимнастику, придает жизнь и смысл изучению языка русского, придает неизбежную прочность приобретенной в школе грамотности. Грамотность эта по силе вещей у нас может быть только религиозная и этот религиозный характер грамотности вместе с тем есть наиболее плодотворный в образовательном отношении. „По условиям нашего сельского быта, говорит г. Рачинский, по бедности и малодоступности нашей светской литературы, для грамотного крестьянина не существует иного постоянного упражнения в грамотности, кроме чтения Псалтири по попойникам и участия в богослужении. Светских книг, доступных и полезных крестьянину, у нас слишком мало, и они попадают ему редко. Между тем неисчерпаемая богатства нашего богослужебного круга,—этого сокровища поэзии, нравственного и догматического поучения на ряду с Свящ. Писанием и житиями святых,—дают постоянную пищу уму, воображению, нравственной жажде нашего грамотного крестьянина, поддерживают в нем способность к тому серьезному чтению, которое одно полезно и желательно. Вот почему, между прочим, лишь те школы, которые устроены при церквях, плодят у нас истинных грамотеев. Вот почему также огромное значение имеет в образовании церковное пение. В следствие основной особенности в характере русского народа, как религиозного по преимуществу, школа наша необходимо должна быть религиозною и стоять в связи с церковью. „Отношение детей к предметам религиозным и нравственным, говорит г. Рачинский, не может быть иное, как отношение к ним их родителей, лишь более бессознательное и смутное. Та высота, та безусловность нравственного идеала, которая дѣлает Русский народ народом христианским по преимуществу, которая в натурах спокойных и сильных выражается безграничною простотою и скромностию в совершении всякаго подвига, доступнаго силамъ человѣческимъ, которая в натурахъ страстныхъ и узкихъ ведетъ къ не насытому исканію, часто къ чудовищнымъ заблужденіямъ, которая в натурахъ шпрокыхъ и слабыхъ влечетъ за собою преувеличенное сознание своего безсилія, и, в связи съ нимъ, отстугленіе

предъ самыми исполнимыми нравственными задачами, необъяснимыя, глубокия паденія; которая во всякомъ русскомъ чловѣкѣ обуславливаетъ возможность внезапныхъ побѣдоносныхъ поворотовъ отъ грязи и зла къ добру и правдѣ,—всѣ эта нравственная суть русскаго чловѣка уже заложена въ русскомъ ребенкѣ. Велика и страшна задача русскаго школы въ виду этихъ могучихъ и опасныхъ задатковъ, въ виду этихъ силъ, этихъ слабостей, которыя она призвана поддержать и направить. Школѣ, отрѣшенной отъ церкви, эта задача не по силамъ. Лишь въ качествѣ органа этой церкви, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, можетъ она приступить къ ея разрѣшенію. Ей нужно содѣйствіе всѣхъ наличныхъ силъ этой церкви, и духовныхъ и свѣтскихъ. Раскрывая присущій крестьянскимъ дѣтямъ этотъ высокій нравственно-религиозный характеръ, составляющій основную черту Русскаго народа, г. Рачинскій говоритъ, что онъ часто задаетъ своимъ ученикамъ сочиненія на тему—высказать, какъ бы каждый изъ нихъ желалъ провести свою жизнь. Какой же получается отвѣтъ? Большинство мальчегвъ, нарисовавъ себѣ жизнь, соответствующую ихъ хозяйственнымъ вкусамъ и наклонностямъ, заключаетъ ее отрѣшеніемъ отъ всего мірскаго, раздачею имущества бѣднымъ, поступленіемъ въ монастырь! Мотивъ—который во всякой другой школѣ, кроме русской, можетъ явиться лишь какъ редкое исключеніе. Характеристически изображаетъ также г. Рачинскій учившагося у него двадцатилѣтняго юношу, который во время послѣдней войны страшно желалъ поступить въ военную службу и одушевлялся искреннею и радостною надеждою *быть убитымъ*, чего и достигъ подъ Плевною.

Указавъ на религиозный характеръ школы, какъ на основной, существенно требуемый самимъ духомъ русскаго народа, и на происходящую отсюда необходимость связи школы съ церковью, г. Рачинскій характеризуетъ учениковъ, учителей и законоучителей нашей современной школы. Между учителями, по наблюдениямъ г. Рачинскаго, первый разрядъ и по времени появленія и по внутреннему достоинству составляютъ молодые люди, окончившіе курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ и готовящіеся къ священническому сану. „Наша сельская школа не имѣетъ и долго не будетъ имѣть контингента учителей болѣе солидно и многосторонне подготовленныхъ. Основательность ихъ свѣдѣній особенно по русскому и церковнославянскому язы-

ку и по Закону Божию, вполне вознаграждает некоторую недостаточность въ знакомствѣ съ приемами элементарнаго обученія. Эта недостаточность, впрочемъ, лишь относительная. Въ духовныхъ семинаріяхъ преподается педагогика, при нихъ существуютъ воскресныя школы для упражненія воспитанниковъ. На той ступени умственнаго развитія, которая достигается нашими семинаристами, всякій методъ преподаванія усваивается сознательно и легко. Громадное преимущество доставляетъ имъ также полное практическое знакомство съ богослуженіемъ и извѣстный навыкъ къ церковному пѣнію. Тѣ немногіе изъ нихъ, для которыхъ священство есть дѣло призванія, и многіе другіе, въ силу своей умственной зрѣлости, относятся къ своему дѣлу добросовѣстно и серьезно. Правленіе ихъ къ дѣятельности въ сельской школѣ (черезъ особую назначенную имъ стипендію) составляетъ дѣйствительную заслугу министерства народнаго просвѣщенія. Къ сожалѣнію, этотъ цѣнный контингентъ, при возрастающемъ количествѣ школъ, при повсемѣтномъ недостаткѣ въ священникахъ, совершенно исчезаетъ сравнительно съ потребностію въ учителяхъ. Рѣдкому изъ этихъ молодыхъ людей доводится провести въ должности учителя положенные закономъ три года; они только проходятъ черезъ сельскую школу и оставляютъ ее, не успѣвъ приобрести тотъ навыкъ, ту опытность, которые одни могли бы сдѣлать изъ нихъ безукоризненныхъ сельскихъ учителей“.

Но особенно замѣчательнъ отзывъ и разсужденія г. Рачинскаго о священникахъ—законоучителяхъ школы. „Читателю, говоритъ авторъ, тотчасъ приходитъ на умъ повторяемые на всѣ лады и, къ сожалѣнію, отчасти справедливыя упреки нашему сельскому духовенству за его якобы полное равнодушіе къ дѣлу сельской школы. Да, эти упреки справедливы, но они преувеличены. Изъ среды нашего сельскаго духовенства рѣзко выдѣляется постепенно возрастающее меньшинство священниковъ, беззавѣтно преданныхъ дѣлу народнаго образованія, видящихъ въ немъ необходимое дополненіе своей пастырской дѣятельности. Благо той школѣ, которая обладаетъ такимъ законоучителемъ. Она не умретъ, какія бы ее ни постигли внѣшнія и внутреннія невзгоды. Она пуститъ и глубокіе корни и широкія вѣтви. По самому свойству нашей сельской школы, священникъ, принимающій къ сердцу ея преуспѣваніе, приобретаетъ въ ней кругъ дѣятельности несравненно болѣе пи-

рокий, чѣмъ простое преподаваніе Закона Божія. Онъ раздѣляетъ или беретъ на себя труды учителя по преподаванію церковно-славянскаго языка. Обладая въ огромномъ большинствѣ случаевъ болѣе обширными и солидными познаніями, чѣмъ учитель (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда учитель также окончившій курсъ семинаріи) онъ имѣетъ благотворное вліяніе и на всѣ прочія отрасли преподаванія, ибо если онъ искренно преданъ школьному дѣлу, то онъ человѣкъ не притязательный и скромный, какъ всѣ наши хорошіе священники, шадящій самолюбіе своего младшаго товарища. Но еще важнѣе воспитательное вліяніе священника на школу. Урокъ Закона Божія, этотъ любимый урокъ нашихъ учениковъ, исходя изъ устъ любимаго священника, учащаго своею жизнію, приобретаетъ громадную силу, помимо тѣхъ элементарныхъ свѣдѣній, которые въ немъ сообщаются. Священникъ, и вѣтъ классовъ слѣдящій за жизнію учениковъ, оторванныхъ отъ семьи, приходящій въ ихъ обѣдныя жилища на утреннюю и вечернюю молитву, входящій въ ихъ маленькія горести, въ ихъ горькія нужды,—дѣлаетъ больше и лучше, чѣмъ самый искусный преподаватель. Онъ придаетъ смыслъ этой насильственной жизни дѣтей вдали отъ роднаго дома*), подъ свѣтло церкви. Онъ завязываетъ съ своею пастырю тѣ неразрывныя связи, которыя однѣ даютъ прочность и дѣйствительную силу его школьнымъ поученіямъ. Хорошій священникъ—душа школы; школа—якорь спасенія для священника. Все это не предположенія, не благія пожеланія, а краткая отвѣдь моихъ личныхъ наблюденій“.

И при всемъ томъ, продолжаетъ г. Рачинскій, упрекъ нашему духовенству въ равнодушіи къ школѣ—этогъ страшный упрекъ, заставляющій многихъ сомнѣваться въ жизненности нашей школы и самой церкви,—въ общемъ и цѣломъ не теряетъ своей силы. Гдѣ искать причинъ этого прискорбнаго, подавляющаго явленія? Поставивъ этотъ вопросъ, авторъ отвѣчаетъ на него съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ, достойнымъ глубокаго вниманія. Вину равнодушія духовенства авторъ видитъ въ самомъ обществѣ свѣтскомъ и обращается къ нему съ словами горькаго упрека и сильнаго воззванія. „Оглянемся на себя“, говоритъ онъ, отъ лица лю-

*) Слѣдуетъ замѣтить, что авторъ имѣетъ дѣло со школою великорусскою, гдѣ въ школу собираются дѣти изъ другихъ деревень. Впрочемъ едвали не въ этомъ только отличіе отъ большинства школъ нашего края.

дей стѣтскихъ. „Вспомнимъ, хоть на мгновение, что мы не католики, что въ церковныхъ вопросахъ мы не имѣемъ права отдѣлять себя въ качествахъ безсильныхъ, ни за что не отвѣтственныхъ мирянъ, отъ непогрѣшимаго, всѣмъ управляющаго клира. Вѣдь церковь—это также мы; въ вопросахъ образованія и ученія,—это преимущественно мы, люди досуга и знанія, надѣленные всѣми данными для оцѣнки неизмѣримой важности этихъ вопросовъ. Будемъ откровенны, будемъ искренни. Для многихъ ли изъ насъ вопросы вѣры—вопросы жизни? Приняли ли хоть одинъ изъ насъ на себя эту должность священника, о важности и святости которой мы такъ охотно толкуемъ? Что я говорю? Многие ли изъ насъ пошевельнутъ пальцемъ, чтобы имѣть въ своемъ приходѣ достойнаго священника, чтобы удержать его въ немъ? Многие ли изъ насъ смотрятъ на религиозный элементъ въ школѣ какъ на самую ея суть, а не какъ на благодѣйный, безвредный придатокъ? И мы жалуемся на то, что священники наши плохи, что вліяніе ихъ на нашу школу ничтожно! Да, священники наши плохи. Наше духовенство чахнетъ и гибнетъ, гибнетъ медленно, позорною смертію, похожею на самоубійство. Долго замкнутое въ строгую касту, ово постоянно выдѣляло и продолжаетъ выдѣлять изъ себя всѣ живыя силы, сохраняя въ своихъ нѣдрахъ лишь элементы слабые и косные, да тѣ немногія сильныя личности, въ которыхъ случайно призваніе совпало съ рожденіемъ. Нынѣ замкнутость духовнаго сословія уничтожена законами. Двери настежь, но никто въ нихъ не входитъ. Кто же въ этомъ виноватъ? Легко ссылаться на Петровскія реформы, на цѣлый рядъ правительственныхъ постановленій, облекшихъ нашу церковь въ мертвящія формы казеннаго вѣдомства. Но все это не корень зла, а вопіющій его признакъ. Надъ живою церковію никакое правительство въ мірѣ не властно; зло не въ нѣдрахъ правительства, а въ медленномъ, постепенномъ, по большей части безсознательномъ отпаденіи отъ церкви всего, что у насъ есть образованнаго, богатаго, властнаго. Дивитесь ли тому, что это отпаденіе, у людей образованныхъ, обставленное всѣми приличіями сдержанной недосказанности, въ подражающей имъ полубразованной массѣ выражается безобразнымъ кощунствомъ или грубымъ лицемѣріемъ? Дивитесь ли приниженному матеріально и нравственно положенію нашего духовенства, въ свою очередь выталкивающему изъ него, почти поголовно, всѣ

силы, которыя могли бы поднять его нравственный уровень, его нравственный авторитетъ? Дивитесь ли полуробкому, полураздраженному отношенію его къ школѣ, водворенной въ нашихъ селахъ этимъ нецерковнымъ, или даже противуцерковнымъ элементомъ нашего общества? Дивитесь ли тому, что большинство изъ нихъ выжидаетъ, чтобы искренность настояній на ихъ участіи въ школьномъ дѣлѣ выразилась хотя бы назначеніемъ имъ какого-либо вознагражденія за ихъ учительскіе труды*)? Дивитесь ли, что священникъ, *только для виду* приглашаемый въ школу, *только для виду* исполняетъ въ ней свои обязанности? Дивитесь нужно скорѣе тому, что у насъ встрѣчаются сельскіе священники, и число ихъ не мало, въ типичнѣ и смиреннѣ совершающіе свое святое дѣло, за которое никто никогда не скажетъ имъ спасибо. Это печальное положеніе продлится до тѣхъ поръ, пока не измѣнится отношеніе къ церкви нашихъ образованныхъ классовъ, и пока эти классы будутъ задавать тонъ нашей сельской школѣ. Тутъ не помогутъ никакіе министерскіе циркуляры, никакія архиепископскія увѣщанія. Лишь созданіе въ большинствѣ грамотнаго, сознающаго свои вещественныя и духовныя нужды крестьянства, можетъ, въ числѣ тысячи противорѣчій нашей общественной жизни, разрѣшить и тотъ узелъ, который до сихъ поръ связываетъ нормальное развитіе нашей сельской школы, и это созданіе неминуемо совершится, даже помимо всякихъ официальныхъ школъ, въ теченіе двухъ-трехъ поколѣній. Оно же и оживитъ нашу церковь наплывомъ новыхъ силъ въ наше духовенство, могучею поддержкою тѣхъ добрыхъ элементовъ, которые въ немъ уцѣлѣли. Положеніе нашей церкви опасно. Опасно оно не для самой церкви;—ея побѣдоносная жизнѣнность проявляется и теперь для всякаго, кто имѣетъ глаза, чтобы видѣть, уши чтобы слышать. Оно опасно для тѣхъ, которые отъ нея отпали. Не тайнымъ ли сознаниемъ этой опасности объясняется позорное равнодушіе нашей интеллигенціи къ дѣлу образованія нашего народа, ея торопливая жажда захватить внѣшнюю власть, за неимѣніемъ внутренней? Спасти эту интеллигенцію

*) Нѣкоторыя земства, рѣшившіяся наконецъ дать священникамъ вознагражденіе за законоучительство, обставили полученіе его крайне стѣснительными условіями. Такъ они дали законоучителямъ почасную плату, чѣмъ поставили предѣлъ учительской дѣятельности священника, и затѣмъ поставили эту плату въ зависимость отъ аттестациі учителя, нерѣдко недоучившагося мальчишки, относящагося къ священнику съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ и канцелярскою придирчивостію.

отъ погнбелн, котору ю она себѣ готовнть, могутъ только дружныя уснлн, людей мыслящнхъ и вѣрующнхъ, неустанная нхъ работа на почвѣ церкви, на почвѣ школы. Медлнть невозможно. Предостереженнй было довольно⁴.

Собразно съ общнмъ возрѣннемъ на школу, какъ продуктъ народнаго духа, изъ него заимствующнй всю свою жизннную слугу, г. Рачннскнй смотрнть н на вопросъ объ организацин школы. Чѣмъ ближе эта школа къ народу по своему направленню, характеру учителя, по средствамъ содержання н контролю, тѣмъ лучше. Мннстерскня однокласння учнлнща, какъ наиболѣе далекня отъ этнхъ связей съ народомъ, наименѣе удовлетворнтельны, по взгляду автора, народнымъ потребностямъ наиболѣе удовлетворяютъ школы водостнныя н деревнскня. Но такъ какъ волость для школы представляется автору единицею слншкомъ крупною, а деревня слншкомъ мелкою, то всего удобнѣе, по его мнѣнню, прнурочнть школу къ приходу, которнй, не нмѣя этнхъ неудобствъ, н правственно связываетъ жителей разлнчныхъ селеннй, н представляетъ собою единственную у насъ всеословную единицу. Авторъ желаетъ, чтобы всѣ по возможности нашн сельскня школы прнннли характеръ школъ приходскнхъ, н желаетъ этого особенно потому, что такой нхъ характеръ одннъ можетъ прнвлечь къ нмъ н окончательнн за нми обезпечнть живое участнє нашего сельскаго духовенства. „Въ приходской школѣ священннкъ, говорнтъ онъ,—является не наемнымъ преподавателемъ, а исполнтелемъ прямыхъ своихъ обязанностей относительно своей паствы. Помнмо всякаго денежнаго вознаграждення, онъ своею дѣятельностню въ школѣ возвышаетъ н упрочиваетъ свое положеннє въ приходѣ, н тѣмъ самымъ упрочиваетъ свое благосостояннє. Хорошо веденная приходская школа, возвышая красоту богослуження, распространяя понятннє церковной службы н любовь къ ней, прямо ведетъ къ увеличенню церковныхъ доходовъ“. Эта внѣшняя сторона дѣла, но еще важнѣе внутренняя. Наша сельская школа, сдѣлавшнсь приходскою, тѣмъ самымъ прнобрѣтеть характеръ церковный въ шпрокомъ смыслѣ этого слова, станетъ дѣломъ всѣхъ церковныхъ элементовъ сельскаго населення духовныхъ н свѣтскнхъ, безъ разлнчня состояння н сословня. Прежде всего она станетъ дѣломъ самнхъ священннковъ. Они уже нмѣютъ предъ собою примѣры школъ, вознншихъ исключнтельно по почну священннковъ, но нхъ пугаютъ

трудности новаго дѣла, пользу н важность котораго они не могутъ не понять. Между тѣмъ большинство молодыхъ священннковъ поступаютъ на мѣста съ неопредѣленнымъ желаннємъ сдѣлать для своего прихода нѣчто большее, чѣмъ простое исполненнє требъ н службъ. Этн желання въ послѣдствнн гложутъ за немнѣннємъ поддержки въ общаго направлення. Эту поддержку, это направленнє должна нмъ дать та часть нашего образованнаго общества, для которой интересъ къ школѣ неразрывенъ съ интересомъ церкви. Уже теперь, вснкнй сельскнй священннкъ, дѣнствуя съ терпѣннємъ, безкорнстнємъ н энергнєю, можетъ собрать въ своемъ приходѣ средства, необходнмыя для содержання школы. Но не всѣ одинаково одарены этнми свойствами. Помощь въ большинствѣ случаевъ необходнма. Распространеннє у насъ приходскнхъ школъ будетъ истнннымъ благодѣяннємъ для нашего духовенства. Жнзнн нашнхъ сельскнхъ батюшекъ пуста. Дѣто нхъ кое-какъ наполняется хозяйственными заботами. Но знмою самое добросовѣтное исполненнє службъ н требъ оставляетъ шрокнє пробѣлы, по неволѣ наполннющнєся развѣздами по гостямъ, игрою въ карты, пошлыми обществеными развлеченнями. Не говорю уже о тѣхъ печальныхъ случаяхъ, когда они наполннются пьянствомъ н развратомъ. Пора вытянуть нхъ изъ болота, затягнвающаго нхъ». При искреннемъ дѣятельномъ участнн священннка въ школѣ самъ собою разрѣшнтся въ его пользу н вопросъ о правѣ контролн за преподаваннємъ въ школѣ. Право на этотъ контроль прннадлежнтъ всему приходу, но за недостаткомъ для этого времени н свѣдѣннй у родителей учениковъ, это право на дѣлѣ по необходимости переноснтся на компетентнаго человека, пользующагося довѣрнємъ прихода, н таковымъ немннуемо является священннкъ, стоящнй на высотѣ своего призвання. Дать это право огульно всему духовенству, по мнѣнню г. Рачннскаго, было бы опнбною, но вснкнй отдѣльный священннкъ можетъ н долженъ „завоевать себѣ это право,—не въ силу своего сана, а въ качествѣ истнннаго пастыря своего прихода, радѣющаго о всѣхъ его духовныхъ нуждахъ“.

Мы хотѣли познакомнть читателей съ одннмъ изъ самыхъ зрѣлыхъ н трезвыхъ н потому самыхъ сочувственныхъ духовенству возрѣннй на положеннє н задачи народной школы н отношеннє къ ней духовенства. Высокня достоинства почтеннаго профессора—школьнаго учителя н его многолѣтня

опытность въ дѣлѣ, о которомъ онъ разсуждаетъ, ругаются за практическую серіозность его сужденій, весь и сила которыхъ неостраимо чувствуются и сами собою. Дай Богъ, чтобы въ литературѣ нашей больше и больше укрѣплялись подобныя воззрѣнія на школу и задачи духовенства въ отношеніи къ ней. Тогда, быть можетъ, и въ самомъ положеніи школы и духовенства они принесли бы *новые* добрые плоды по роду своему.

Престольный праздникъ въ с. Ковалевкѣ (Васильковского уѣзда).

16 декабря 1879 года окончена постройка церкви въ с. Ковалевкѣ и освящена въ честь Рождества Пресв. Богородицы. Въ настоящій годъ праздникъ храмовой праздновался во второй разъ послѣ освященія новой церкви. Наканунѣ 8 сентября, по приглашенію настоятеля, совершалъ малую вечерню священникъ села Т—х—ра Тарасъ Ѳеодотовичъ Г—скій, на вечернѣ самъ настоятель управлялъ клиросомъ и осмысленно прочиталъ стихиры—на Господи возвахъ—въ честь всеславнаго Рождества Пресв. Богородицы. Стройное пѣніе и внятное чтеніе видимо растрогали умиленный духъ предстоящаго народа, такъ что по окончаніи вечерни народъ еще долго стоялъ въ молитвенномъ умиленіи предъ особо чтимымъ образомъ Божіей Матери, какъ бы въ ожиданіи еще и еще сладостныхъ и трогающихъ душу пѣснопѣній въ честь преславнаго Рождества Пресв. Дѣвы Маріи.

По мѣстному обычаю всенощная началась въ три часа по полуночи. Молящихся собралось гораздо болѣе, нежели было на вечерни. На литію и величаніе, а также и славословіе выходилъ соборомъ мѣстный священникъ съ о. Т. Г—мъ и діакономъ о. Ер. Т—мъ. Эта торжественность богослуженія привлекала вниманіе народа до того, что вся церковь, въ безмолвномъ созерцаніи хода священнодѣйствій, обратилась какъ бы въ молитву очами: все затихло, обыкновеніе народа читать свои молитвы, даже довольно слышнымъ шопотомъ, безучастно ко всему происходящему священнодѣйствію въ олтарѣ и на клиросѣ,—на сей разъ не было слышно.

Во время чтенія Евангелія такая была тишина, что, кажется, церковь опустѣла. Простой народъ невыразимо любитъ церковныя богослуженія внятно и торжественно совершаемыя. Привычка же народа читать свои домашнія молитвы во время служеній церковныхъ, вѣроятно, и явилась по винѣ самаго же духовенства, которое спѣшнымъ и са-

михъ для себя же непонятнымъ чтеніемъ и пѣніемъ нашихъ гугнявыхъ дьячковъ, выудило предстоящій народъ, не слушая церковнаго богослуженія, стравлять каждаго порознь свое моленіе жужжаніемъ разныхъ молитвъ своихъ по нѣскольку разъ въ задъ и впередъ, лишь бы не заснуть, стоя въ церкви *). Нѣкоторые же изъ такъ называемыхъ книжниковъ, мы слышали, прочитываютъ вмѣстѣ съ молитвами, что въ букварѣ лаврской печати—все по порядку въ книжкѣ, какъ-то: молитвы предъ и послѣ ученія, предъ и послѣ обѣда, и краткіе правоученія: помни юноша... и даже и—то, что: у человека пять чувствъ: зрѣніе, слухъ и т. д. до послѣдней страницы букваря. Все это прочитываютъ они настолько громкимъ шопотомъ, что даже въ алтарь доносится это жужжаніе. Конечно, цѣль такого чтенія—благая: поучить невѣждъ близъ стоящихъ, которые пробавляются, по незнанію ничего болѣе, безконечнымъ чтеніемъ „отче нашъ, иже еси“!.. и притомъ—показать свое знаніе книжной мудрости.—И подобное жужжаніе молитвъ, насколько намъ извѣстно, происходитъ почти по всѣмъ сельскимъ церквамъ кievской епархіи. Пора бы принять мѣры духовенству противъ сего обычая, нарушающаго благочиніе церковное. И самая благая была бы мѣра—это внятное и разумно-неспѣшное пѣніе и чтеніе при богослуженіи нашими псаломщиками: тогда бы народъ понималъ богослуженіе и бросилъ бы въ церкви свое отправленіе молитвъ. Конечно, при семъ необходимо и пастырямъ объяснить неумѣстность обычая народнаго нарушать своимъ жужжаніемъ тишину и благочиніе въ церкви.

Литургія совершена была соборно четырьмя священниками съ діакономъ. Предъ литургією совершенно былъ молебень съ акавистомъ Божіей

*) Намъ приходилось слышать, что въ это шептаніе молитвъ многіе простяки прилетаютъ такъ назыв. народныя молитвы „на пристрѣгу“, „на скотину“, и др. Изъ нихъ первая читается такъ: Самъ Суеъ Христосъ, Сама Его пречиста Марія—Матиръ, еще Ванъ Воиуъ съ Рхагеломъ Гаврииломъ и св. Миколоай и вода святая спасаете, сохраняйте и ратуйте несподованнаго раба, или рець, отъ призову, отъ людского мору, отъ лихого пристриту и огнивици, що була у Петрової сестрици, нехай все злее чарованье пливе на море, якъ кострица, а рабу,—ими рець, минеца немога съ головонки, съ рученекъ, съ ноженекъ, съ подъ сердца и пошаниці: бо Суеу слава, пречист. Матери держава, а всімъ свѣтымъ честь, бо у насъ Бога есть. Аминь. Или вотъ еще—на скотину молитва: „Самъ св. Власій съ Хараламіемъ въ двохъ, да еще Флоривъ Лавръ скотину паслы и царство Божіе намы, ратунокъ свій дайте намъ, худобку нашу благайте, видъ мору отгоняйте, бо мы щиримъ сердцемъ ласки Вашой просимъ, щобъ самого св. Іордану водовъ святовъ, а съ горы Олофіи съ ниль самого крета, де Адамова голова, зальми пахнуцими скотину вашу отъ нади лютонъ видратовали, и нехай все лихо тее пиде на сухи лиса, та на бодота и писи велики азъ до окоану—моря водомъ знесе, а насъ Самъ Иванъ Христитель съ крестомъ спасе и помяде во вики вичне. Аминь.“

Матери, а послѣ литургіи—водоосвященіе и крестный ходъ вокругъ церкви съ чтеніемъ Евангелій по сторонамъ: южной, восточной, сѣверной и западной, причемъ окроплялся народъ св. водою. По окончаніи сего на паперти сдѣланъ отпустъ съ возглашеніемъ многолѣтія: Государю и всѣму Царств. Дому, Высокопреосвященнѣйшему митрополиту Филоею съ паствою и Сяккиту съ воинствомъ православнымъ. Послѣ чего преподано было народу цѣлованіе креста и назнаменованіе благословеннымъ елеемъ всеоцнымъ, а въ церкви настоятель церкви съ двумя священниками въ это же самое время совершалъ панихиду—по просьбѣ прихожанъ—заушкой Царя Александра-Мученика и супруги его Государыни Страдалицы Магушки Маріи Александровны и митрополита Арсенія. Каждый изъ народа спѣшилъ возвратиться въ церковь, какъ только успѣвалъ на паперти окончить цѣлованіе св. креста, храмовой иконы и принять помазаніе благословеннымъ елеемъ на челѣ—чтобы приклонить колѣна при панихидѣ за Царя отца освободителя Александра Мученика, а во время возглашенія вѣчной памяти Ему весь народъ палъ на колѣна и на глазахъ многихъ замѣтны были слезы. Стройное пѣніе и краткое поученіе, сказанное о. настоятелемъ во время причастанго на литургіи, довершали торжественность праздничнаго Богослуженія. Весь народъ видимо былъ въ состояніи возбужденія духовнаго. И тутъ же на цывнтарі, по примѣру древней церкви, послѣ краткой литіи за умершихъ отецъ и братій, раздѣлили праздничную трапезу, приготовленную тутъ же за цер. оградой женами братчиковъ изъ продуктовъ, собранныхъ со всего прихода. Первую чарку здѣсь предложилъ мѣстный священникъ за благоденствіе Государя Императора Александра III-го, Супругу Его и весь Царствующій Домъ, а кто-то изъ народа, поднявъ чарку вина, сказалъ: „треба, люди добрые, еще выпиты и за нашего святаго отца Филоея, щобъ Его Маты Божія отъ болѣсти спасла и вика прибавила“. За симъ братчикъ Х—нъ Пр—ко поднявъ чарку съ словами: выпьемъ же, братци, и за отцивъ, що сегодни правили въ церкви намъ службу Богу и моылыся за насъ, дуже гарво було и дивытця и слухаты намъ таку отправу,—дай Боже!“ За этимъ возгласомъ вся болѣе чѣмъ пятитысячная масса народа опять повторила—какъ и за первыми двумя тостами, вмѣсто ура!—малороссійское „дай Боже“! Слова „дай Боже“, какъ громъ раздавались на все

село. По окончаніи обѣда настоятелемъ церкви о. С., по просьбѣ братчиковъ, возглашена „вѣчная память“ Александру II, положившему жизнь свою за люди своя и даровавшему средства устроить и сей новый храмъ.

Когда все уже было кончено, братчики пригласили народъ пить „медъ“, приготовленный ради праздничнаго утѣшенія, чтобы отвлечь народъ отъ корчмы и разгула. Настоятель благословилъ насыщенный медъ сей, причемъ объявилъ цѣль и значеніе сыченія меда въ храмовые праздники.

Во весь день не слышно было ни шуму пьянаго, ни даже непристойныхъ пѣсень, а до самого вечера не только молодежь, но и хозяйва проводили праздникъ первые въ невинныхъ играхъ, а вторые за кружкой меда или бесѣдуя съ своими гостями (изъ пришедшихъ на праздникъ), тутъ же вокругъ церкви сидя на травкѣ. Когда мы пришли на вечерю, тогда только все поднялось на ноги и направилося большинство за нами въ церковь, а остальные начали расходиться по домамъ, провожая своихъ гостей. Такъ совершалось торжество храмоваго праздника. И какъ бы духовенство обезпечило за собою привязанность народа, если бы, по мѣрѣ возможности, не страшась затраты на угощеніе своихъ сосѣдей священниковъ, приглашало бы другъ друга въ такіе дни для совершенія соборне Богослуженія, которое простой народъ такъ любить видѣть и посѣщать. Этимъ можно бы отвлекать народъ отъ праздничнаго бездѣлья, бражничанія по корчмамъ и шатанья по базарамъ, куда къ прискорбію, и само духовенство спѣшитъ (на скоро отслуживъ часы, и иные и того нѣтъ) въ ярмарочные дни, случающіеся почти всегда въ великіе праздникі. Это зло, оставшееся въ наслѣдство намъ отъ пресловутой уніи и польцизны, старавшихся православный народъ отвлекать отъ храмовъ православныхъ ярмарочными сборами, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были костельные отпусты, чтобы хоть сямъ пропагандировать „прелесь“ своей папской „вяры“. Въ настоящее время нѣсколько разъ поднимаемъ былъ вопросъ духовенствомъ о переводѣ ярмарокъ на дни непраздничные и народъ готовъ на это, да тѣ, отъ кого зависитъ объявить отмѣну съ праздничныхъ дней ярмарокъ, почему-то не идутъ на помощь духовенству, а лукаво предоставляютъ на волю народа, зная, что народъ нашъ безъ собственной инициативы, а все ждетъ повелѣній отъ начальства, даже и въ такихъ новинахъ, какъ переводъ ярмарокъ. Будемъ надѣяться, что

наша скромная замѣтка, быть можетъ, послужить въ напоминаніе нашимъ сопастырямъ приняться съ большою энергіей за отмѣну ярморочныхъ дней въ праздники, чтобы съ Божіей помощію хоть теперь выручить народъ православный изъ кабалы полонизма и жидовства, и переводомъ ярмарокъ на будничные дни дать народной жизни въ праздники болѣе сообразный христіанскій характеръ.

N. N.

Кіево-подольское церковно-приходское Царе-Константиновское училище за 18⁸⁰/₈₁ учебный годъ.

Къ началу учебнаго года состояло въ училищѣ 64 ученика, изъ нихъ 39 учениковъ остались въ училищѣ отъ предыдущаго учебнаго года, а 25 мальчиковъ принято вновь. Въ теченіи года вышло изъ училища 11 учениковъ: 3—за выѣздомъ изъ Кіева, 4—за переходомъ на жительство въ другія части города, 2—по неимѣнію одежды зимней въ слѣдствіи крайней бѣдности, 1—по продолжительной болѣзни и 1—умеръ.

По степеніи развитія и подготовки ученики дѣлились на три группы: въ первой младшей группѣ было 30 учениковъ, во второй—средней—20 и въ третьей—старшей—14 учениковъ.

Ученіе производилось по программѣ городскихъ приходскихъ училищъ. Преподавателями состояли и въ настоящее время состоятъ: законоучителемъ священникъ Михаилъ Черняховскій, извѣстный своею опытностію на этомъ поприщѣ, учителемъ—окончившій курсъ семинаріи Трофимъ Костецкій съ 1875 года, учительницею пѣнія—вдова священника О. Я. Тукалова, которая управляетъ и существующимъ при Царе-Константиновской церкви хоромъ пѣвчихъ. Училище состоитъ подъ главнымъ наблюденіемъ настоятеля церкви, но въ теченіе учебнаго года нѣсколько разъ посѣщала училище и Инспекторъ народныхъ училищъ И. А. Четечъ.

На содержаніе училища ассигнуется городскою Думою 783 рубля и попечителемъ учебнаго округа 100 рублей. Эти деньги, съ представленіемъ отчета въ городскую управу, расходуются: на жалованье преподавателямъ, на покупку учебныхъ пособій и ремонтъ училища. Благодаря указаннымъ средствамъ, училище постоянно содержится въ надлежащей чистотѣ и опрятности, имѣетъ все классныя принадлежности и учебныя пособія и довольное число книгъ для чтенія; благодаря этимъ средствамъ, бѣднѣйшіе изъ учениковъ пользовались отъ училища книгами и другими учебными пособиями—бумагой, карандашами, перьями и чернилами.

Большинство учениковъ въ теченіе учебнаго года отличалось весьма аккуратнымъ посѣщеніемъ классовъ, остальнымъ аккуратному посѣщенію училища препятствовали: въ зимнее время недостатокъ теплой одежды, простудныя болѣзни и дальность мѣста жительства отъ училища, а иногда и сами родители, оставлявшіе дѣтей дома для пособія по хозяйству—въ наблюденія за младшими дѣтьми. Экзаменъ ученикамъ произведенъ 19 іюня въ присутствіи настоятеля церкви—наблюдателя школы и преподавателей, Инспектора народныхъ училищъ г. Чечета, Благочиннаго Кіево-Подольскихъ церквей о. X. М. Орды, представителя отъ городской управы Кіевского купца Ив. Мих. Зуева, которому поручено управою наблюденіе за экономическою частью училища, и нѣсколькихъ лицъ изъ почетнѣйшихъ прихожанъ Царе-Константиновской церкви. Отвѣты учениковъ въ большинствѣ были очень удовлетворительные по всемъ предметамъ и немного посредственныхъ; вообще впечатлѣніе отъ экзамена вынесено утѣшительное въ томъ отношеніи, что ассигнуемое думою пособіе на содержаніе училища вполне достигаетъ своей цѣли, давая возможность такому количеству дѣтей получать опредѣленное программой приходскихъ училищъ образованіе, которое даетъ имъ, кромѣ льготы по воинской повинности, возможность поступать въ ремесленное училище и въ гимназію. По рекомендаціи г. Чечета, высказанной послѣ экзамена, Царе-Константиновское училище во всѣхъ отношеніяхъ стоить на одномъ уровнѣ съ городскими приходскими училищами.

По окончаніи экзамена по предметамъ, ученики, подъ руководствомъ учительницы пѣнія, пропѣли нѣсколько пѣсень, принятыхъ къ изученію въ городскихъ училищахъ, національные гимны и молитву за Государя Императора. Учительница пѣнія приложила къ дѣлу и замѣчаніе о. Благочиннаго, высказанное послѣ прошлогодняго испытанія, а именно, чтобы ученики, какъ ученики церковно-приходскаго училища, были ознакомливаемы съ мотивами церковнаго пѣнія и приучаемы къ хорошему пѣнію болѣе употребительныхъ церковныхъ пѣснопѣній; въ силу этого замѣчанія и по сознанію важнаго значенія въ жизни и вліянія на душу церковныхъ пѣснопѣній, ученики были обучены пѣнію нѣкоторыхъ пѣснопѣній, и стройно пропѣли: Подъ твою милость прибѣгаемъ, Богородице Дѣво... Не имамы инья помощи. Въ наступившемъ учебномъ году обученіе пѣнію въ этомъ направленіи пойдетъ дальше.

Послѣ благодарственнаго молебна 21 іюня ученикамъ розданы награды, именно: 6 похвальныхъ Къ № 42-му.

листовъ въ младшей группѣ,—5 похвальныхъ листовъ и 5 книгъ въ средней группѣ и 8 книгъ въ старшей группѣ. Всѣмъ остальнымъ розданы изъ училища; брошюра—мученическая кончина Государя Императора Александра II съ портретомъ Его Величества и съ описаніемъ и картинами событія 1 марта, брошюра—вѣнокъ на могилу Государя Императора Александра II и на листахъ стихотвореніе—вѣчная память Государю Александру II съ портретомъ Его Величества. Нужно было видѣть непритворную радость при полученіи этихъ брошюръ и листовъ...

Изъ старшей группы—8 учениковъ сдали экзаменъ на льготу по воинской повинности, и получили свидѣтельства объ окончаніи ученія съ отмінками успѣховъ по предметамъ и поведенію, 3—по своему желанію остались въ училищѣ еще на годъ, какъ малозрелые.

Къ настоящему 1881—82 учебному году осталось въ училищѣ 39 учениковъ, вновь принято 21—всего состоитъ въ училищѣ 60 учениковъ. В.

Опроверженіе клеветы. Прочитавши въ 197 № газеты „Заря“, что священникъ м. Медвина Л. (Левандовскій) проповѣдывалъ своимъ прихожанамъ о близкомъ концѣ міра, для чего убѣждалъ ихъ отречься отъ мірскихъ помысловъ и заботъ, дѣлать приношенія въ церковь, поститься и прочее тому подобное, а съ перваго раза заподозривъ истинность сего разсказа и остался въ той увѣренности, что прихожане о Левандовскаго, либо не понявши его рѣчи, сдѣлали ложный перифразъ изъ нея, либо рѣчь его въ десятихъ устахъ была искажена до совершенной противоположности смысла ея. Тѣмъ не менѣе, по долгу мѣстнаго Благочиннаго, я отправился въ м. Медвину для дознанія. И что же, по дознаніи, оказалось? Священникъ Левандовскій, вслѣдствіе того, что между его прихожанами не слышенъ былъ говоръ о газетныхъ толкахъ по поводу скорого свѣтопреставленія, считая неумѣстнымъ и несвоевременнымъ заводить рѣчь объ этомъ съ крестьянами ни въ частной бесѣдѣ, ни съ церковной каедрой. Всѣ прихожане священника Левандовскаго показали, и готовы показать подъ присягой, что священникъ Левандовскій никогда ничего не говорилъ имъ по поводу газетныхъ толковъ о близкомъ концѣ міра, кромѣ того не только отъ священника Левандовскаго, но и ни отъ кого другаго они объ этомъ не слышали. Таковое свое показаніе прихожане Медвинской Успенской церкви изложили на бумагѣ, въ формѣ приговора, утвердили сей приговоръ 280 подписями, законнымъ числомъ сельскаго схода, подлинность сего своего приговора под-

твердили свидѣтельствомъ Волостнаго Правленія и вручили его священнику Левандовскому, какъ вѣскій документъ его невинности въ взводило на него клеветѣ. Волостное Правленіе, находящееся въ м. Медвинѣ, въ приходѣ Николаевской церкви, а потому отлич-но знающее священника Левандовскаго и его пастырскія дѣйствія, отъ себя также снабдило его письменнымъ документомъ, въ которомъ удостовѣряетъ, что священникъ Левандовскій не проповѣдывалъ народу того, что называють ему извѣстная статья газеты Заря. На чей же, послѣ этого, сторонѣ правда, на сторонѣ ли пока неизвѣстнаго автора статьи газеты „Заря“, или же на сторонѣ священника Левандовскаго и его тысячныхъ свидѣтелей? Не возможно допустить, чтобы о Левандовскій рѣшился заводить процессъ съ своимъ обличителемъ, чувствуя себя виновнымъ, а также, чтобы онъ могъ задобрить тысячу своихъ прихожанъ и Волостное Правленіе; но весьма возможно рѣшиться на всякую ложь и клевету злобы ради, либо ради прибытка. А потому обличитель о Левандовскаго, разсказавши небылицу, слишкомъ погоропилъ съ своими умоулаживаніемъ относительно мотивовъ, побудившихъ будто бы о Левандовскаго „вспомнить темныя времена средневѣковой исторіи“, и обозвавъ, Христа ради, примѣрно хорошаго и всѣмъ уважаемаго пастыря, корыстолюбцемъ и слабоумнымъ. Чѣмъ кумушѣ считать трудиться, не лучше ли на себя оборотиться?—сильно мы можемъ сказать теперь обличителю священника въ мнѣшномъ его корыстолюбіи и слабоуміи. Не обычный ли мотивъ сотрудника еврейской газеты заработать рубль заставилъ его сплести небылицу, обличающую своею неглупостью лишь его собственное слабоуміе? Помимо этого, мы не хотѣли бы предполагать, что эта клевета допущена съ тенденціозно-враждебною для духовенства цѣлю, хотя отношеніе „Зари“ къ духовенству, вполне сообразное съ ея принципами, достаточно извѣстно. По какимъ бы впрочемъ мотивамъ ни появилась въ печати столь гнусная ложь и клевета, отъ этого не легче ни потерпѣвшему, ни въ лицѣ его всему духовенству, такъ часто безвинно осуждаемому; а потому нельзя неодобрить рѣшимости о Левандовскаго преслѣдовать своего клеветника судебнымъ порядкомъ и тѣмъ оязательно показать читающему міру, на сколько могутъ быть основательны хулы, изрѣкаемыя на духовенство, особенно такими органами, какъ „Заря“. Въ утѣшеніе же публично обиженному священнику о Левандовскому, а въ лицѣ его и всему духовенству остается сказать: *блаженни есте, егда поносятъ вамъ и моведунтъ, и рекунтъ всякъ золь малою на вы ласунце.*

Канев. у. 1 округа Благочинный, священникъ *Іоаннъ Гдншинскій.*

Профессоръ А. Вороновъ.

Содержаніе: *Часть неоффициальная.* Изъ наблюденій сельскаго учителя надъ народною школою.—Престольный праздникъ въ с. Козацкѣвѣ,—Кіево-Подольское церковно-приходское Царе-Константиновское училище за 1880—81 учебный годъ.—Опроверженіе клеветы.

Вышелъ въ свѣтъ № 41 Воскреснаго Чтенія. Содержаніе его слѣдующее: Воспоминаніе о покровительствѣ пресвятой Богоматери нашему отечеству.—Святой апостолъ и евангелистъ Лука.—Моника мать блаженнаго Августина.—«Г—уже не я».

При семъ № прилагается пробный № Проповѣдническаго Листка.